

Что касается хронологии рассматриваемого городецкого памятника, то по аналогии с рязанскими памятниками и при сопоставлении его керамического комплекса с Хвалынским¹¹ можно предположить, что начальный период его существования не мог быть древнее третьей четверти I тыс. до н. э.

Р. А. СТРУЧАЛИНА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ПАТРЕИ

(По материалам археологических исследований 1968—1969 гг.)

Раскоп 1968—1969 годов¹ представляет собой компактную площадь размером около 320 квадратных метров. В новейшее время на месте раскопа была произведена значительная подрезка грунта, вследствие чего объекты средневекового слоя подходили к поверхности, а некоторые, видимо, были разрушены. Однако в целом средневековый слой VIII—X вв. н. э. сохранился вполне удовлетворительно. Непосредственно под ним залегал позднеантичный, почти не поврежденный слой. Подобная стратиграфия слоев позволяет поставить вопрос о преемственности между античностью и средневековьем.

Позднеантичный слой III—IV веков н. э. достигает мощности 1 м. Грунт его — суглинок, в основном серовато-коричневого цвета с интенсивными мусорно-золистыми включениями, желто-глиняными пятнами.

Строительные остатки слоя более или менее многочисленны, но в западной части раскопа сильно разрушены, а в восточной довольно полно сохранилась часть строительного комплекса, представленного пересечением фундаментов 12—13 и 11,8 и 27 и фундаментов 41, 52, 53 и 55 (рис. 1 и 2).

Фундамент 13 обрывается у берегового откоса; длина его 4,70, ширина в среднем — 0,66, высота — 0,45 м. Горизонтальная его подошва — на глубине 1,60—1,70 м от современной

¹¹ В. Г. Миронов. Псевдорозовая керамика Хвалынских городищ. В печати.

¹ В 1968 г. и в предыдущие годы Саратовский отряд работал в составе Таманской экспедиции Института археологии АН СССР (руководитель старший научный сотрудник Н. И. Сокольский).

поверхности северного борта. Фундамент сложен в два панциря с забутовкой из необработанных разнородных (в основном известняков и плитняков) камней на глиняном растворе. От северного конца фундамента 13 под прямым углом к юго-западу отходит связанный с ним в переплет фундамент 11, сложенный в той же технике, но из несколько более крупных камней. Длина этого фундамента — 3,50 (западный конец оборван), ширина — 0,65, наибольшая высота 0,48 м.

Фундаменты 13 и 11 составляли две стороны помещения, посредине которого сохранилась часть каменной вымостки 36 размером 1,0×0,86 м, плотно сложенной из 7 камней-известняков. Трудно сказать, покрывала ли эта вымостка весь пол помещения: вероятнее, это была замощенная рабочая площадка.

С этим помещением связываются остатки очага 14, обнаруженные над вымосткой и около нее в виде площадки обожженной земли, золы, угольков, кусков сырцовых кирпичей, кусков раздавленных печин; размеры этой площадки составляют 1,50×1,22 м.

Стратиграфия и находки (фрагменты светлоглиняных и красноглиняных амфор) свидетельствуют в пользу того, что это помещение было построено вслед за разрушением помещений нижнего слоя в пределах III в. до н. э. и затем продолжало существовать до конца античной эпохи вместе со всем позднеантичным комплексом.

На линии фундамента 11, к западу, непосредственно над сырцово-кирпичной кладкой стены 23 раннего слоя обнаружен кусочек фундамента 8 длиной 1,40 и шириною 0,40 м (один южный панцирь уничтожен); он лежит на том же горизонте, что и фундаменты 13 и 11, и, несомненно, является остатком фундамента помещения, располагавшегося к западу.

Фундамент 12 продолжает линию фундамента 13 к северу, входя в северный борт раскопа. Обнаружен на длину 6,80 м, ширина его 0,65—0,78 м; у северного борта подошва его лежит на глубине 1,10 м, к югу немного понижается. Он сложен позднее 13 и в другой технике: состоит в основном из одного ряда больших (1,12×0,10 м, 0,90×0,67 м) необработанных плоских известняков, лежащих дорожкой. В нескольких местах большие камни дополнены по ширине и высоте более мелкими. Судя по тому, что в середине один большой камень свернут к востоку, а вдоль восточного края лежит ряд других, более мелких камней, фундамент был выше, но разрушен. Этот фундамент представляет второй, позднейший строитель-

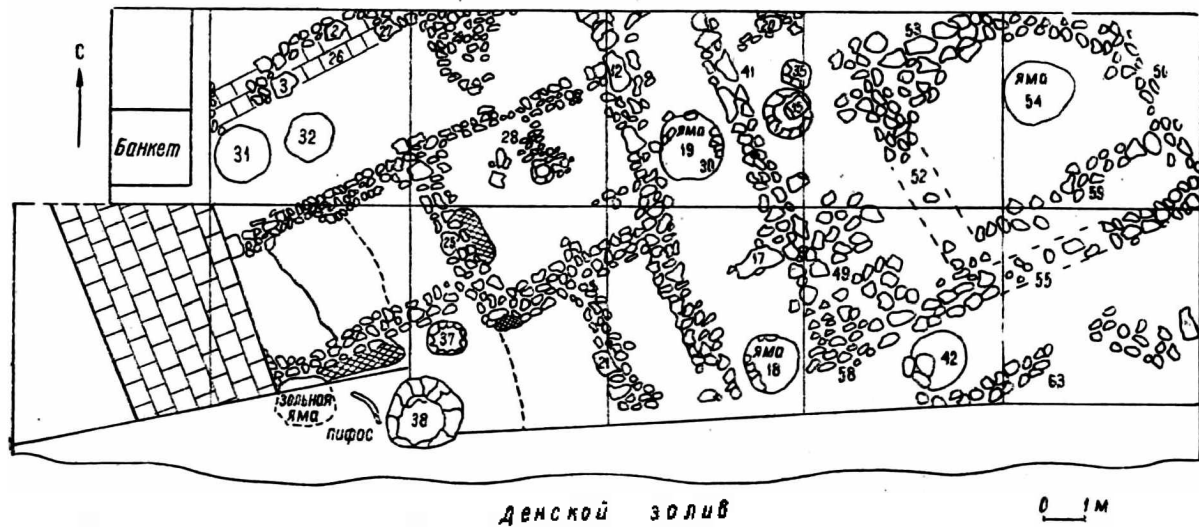

Рис. 1. План позднеантичных и средневековых остатков (раскоп 1968—1969 гг.).

ПАТ.-70

План позднеантичных и средневековых остатков

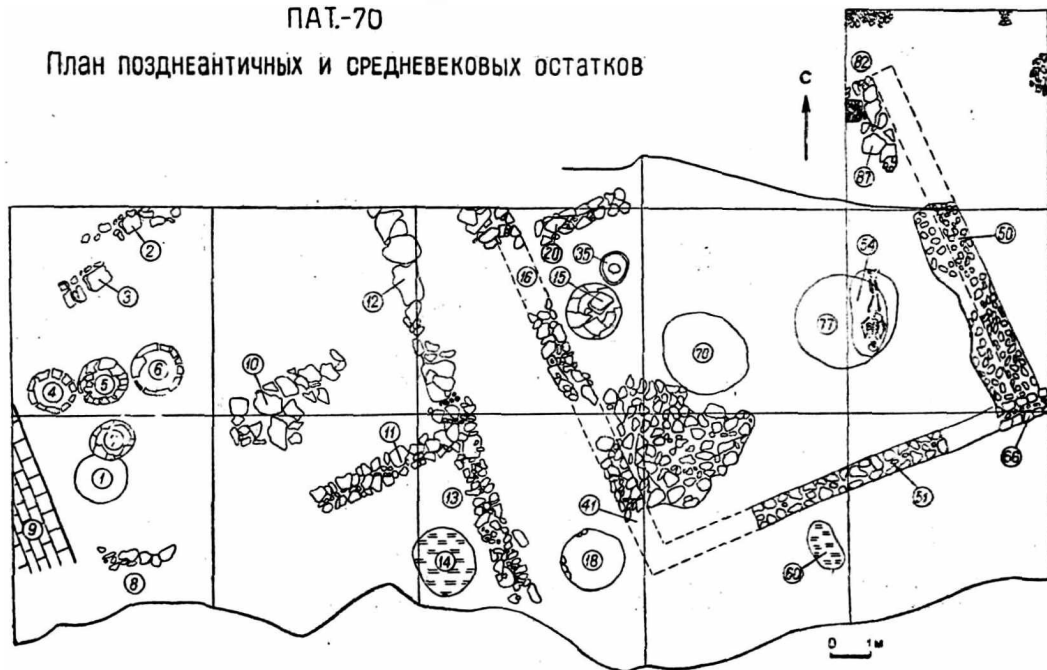

Рис. 2.

ный период в слое III—IV вв. н. э. Это ярко иллюстрируется тем, что южный край фундамента 12 длиной около 1 м представляет оборванную кладку такого же типа, как и 13, связанную с последней в переплет.

Фундамент 27, открытый у северного борта площади IV на длину 2,80 м, по направлению параллелен фундаменту 11. Горизонт залегания тот же (глубина подошвы 1,48 м от края северного борта). Можно заключить, что он подходил под прямым углом к фундаменту 12. На западном конце его лежит плоский камень по всей ширине фундамента, вероятно, составлявший часть порога в дверном проеме. Расстояние между фундаментами 11 и 27, равное 7 м, предполагает, что это пространство было пересечено еще одной, разрушенной стеной, создававшей еще два помещения с западной стороны фундамента 12, и эта, теперь не существующая стена, должна была проходить над фундаментами 39, 33, 40 и 24 нижележащих слоев. Все это подтверждается тем, что на горизонте фундамента 11 между ним и предполагаемой разрушенной стеной открыта значительных размеров (3,00×1,60 м) часть каменной вымостки 10, вписывающейся в размеры помещения.

Фундамент 41 не вполне параллелен фундаменту 12. Он, надо полагать, принадлежал другому зданию. Протяженность его с северо-запада на юго-восток 4,3, ширина 0,6 м. Концы фундамента оборваны позднейшей выборкой камня. Можно предположить, что фундамент 41 представлял восточную стену здания. К западу от него сохранились остатки фундамента 49 на линии, перпендикулярной к линии фундамента 41.

К востоку от фундамента 41 отходит черепичная вымостка, представляющая остатки покрытия небольшой улицы, замкнутой с запада фундаментом 41, а с востока фундаментом 52. Можно предположить, что эта улица вливалась в большую центральную улицу, начинавшуюся от восточных ворот Патрэя, открытых в 1964 г.

К востоку от улицы располагалась группа помещений, образуемых фундаментами 52, 53, 55.

Фундамент 53 имеет протяженность 3 м при ширине 0,65 м. Сложен он из более крупных камней, чем фундамент 41, среди которых преобладающим является плитняк. Юго-западный конец этого фундамента оборван более поздней выборкой камня, а северо-восточный уходит в северный борт раскопа.

Фундамент 55 четко прослеживается на протяжении 2,46 м. В юго-западной части он, как и фундамент 53, оборван

позднейшей выборкой камня, а в северо-восточном направлении прослеживается в виде развала камней по всей длине раскопа, уходя в его восточный борт, причем на расстоянии приблизительно 1,5 м от восточного борта раскопа кладка опять принимает более систематичный характер. Ширина фундамента в четко сохранившейся части 0,6 м. Кладка состоит из камней среднего размера, преимущественно плитняка, хотя встречается и привозной гранит. От фундамента 53 в юго-восточном направлении строго перпендикулярно к нему отходит фундамент 59, сложенный в той же технике, что и фундаменты 53, 55, и имеющий ширину 0,65 м. На расстоянии 2 м от фундамента 53 он прерывается, видимо, вследствие позднейшей выборки камня (от него сохранилось только 2 единичных камня), но через 2,14 м становится вновь отчетливо заметным и прослеживается на 1,64 м к юго-востоку. На этом участке он связан в переплет с фундаментом 55, выходя к юго-востоку от него на 0,65 м.

Линии фундаментов 41, 49, 52, 53, 55 позволяют говорить о наличии двух четко прослеживаемых зданий.

К слою III—IV вв. н. э. следует отнести и зерновую яму (54) обычной грушевидной формы, расположенную в помещении между фундаментами 52 и 53—55.

В целом создается впечатление единого хозяйственного комплекса, который расположен над более ранними фундаментами помещений (59, 61, 58) и вымосткой (62), выявленными, но еще недостаточно обследованными в результате археологических полевых изысканий 1969 года.

Находки интересующего нас слоя мелкодробные и разновременные.

Материалом, датирующим слой, являются в основном фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор III и IV вв. н. э., а также фрагменты красноглиняных амфор с массивными профилированными ручками и соскообразным донцем. Хорошо датирующими являются фрагменты краснолаковых блюд IV в. н. э. Часто встречаются амфоры патрэйского производства с клювообразным, сапожкообразным венцом, зафиксированные в патрэйской обжигательной печи в 1965 году².

Особый интерес среди находок представляет клад биллоновых монет (рис. 3). Клад насчитывает 228 монет удовлетворительной сохранности, позднебоспорской чеканки (середи-

² См. Н. И. Сокольский. О голяром производстве в азиатской части Боспора. — КСИА, вып. 116, 1968, стр. 66.

за III в. н. э.). Кроме монет в клад входят 2 бронзовых кольца, 2 бронзовых пряжки, 1 браслет, 1 сильно разрушенная фибула и 1 пастовая бусина. Видимо, клад был заключен в деревянный ящик или шкатулку, от которой сохранилось лишь 2 небольших железных гвоздя. Датировка клада не нарушает принятой нами датировки слоя, а происхождение его, видимо, должно быть связано с общим упадком Боспорского государства, начиная с середины III в. н. э.³

Рис. 3. Статер Рескупорида III (210—226 гг. н. э.) из патрийского клада 1968 года (увеличено в 2,5 раза).

Многие современные исследователи считают, что Боспорское государство подвергалось сильному разгрому в связи с нашествием готов в середине III в. н. э.⁴ Азиатская часть развивалась, однако, спокойнее. Ее поселения не пострадали от варварского нашествия⁵. В Патрее в результате археоло-

³ И. Т. Кругликова в работе «Боспор в позднеантичное время» (АН СССР, М., 1966) констатирует, что на территории Боспора до 1965 г. было найдено 22 клада, содержащих монеты III—IV вв. н. э. (стр. 186), и считает, что по содержащимся в кладах монетам можно проследить несколько периодов интенсивного зарывания кладов, первый из которых — 30-е годы III в. н. э., второй — 70-е годы III в. н. э. и, наконец, последний — 30-е годы IV в. н. э. (там же, стр. 187). Очевидно, наш клад должен быть отнесен ко второй волне зарывания кладов, которая, по наблюдениям И. Т. Кругликовой, совпадает со временем разрушения многих сельских поселений и городов сиропейской части Боспорского царства (см. там же).

⁴ См., например, В. Д. Блаватский. Развитие и роль античных государств Северного Причерноморья. — ВИ, 1960, № 10, стр. 84.

⁵ См. И. Т. Кругликова. Боспор в III—IV вв. в свете новых археологических исследований. — КСИА, вып. 103, 1965, стр. 6.

гических исследований в течение ряда лет (с 1961 года) не удалось обнаружить заметных следов разрушений, относящихся к III в. н. э. Это заставляет предполагать, что клад, найденный в 1969 году, был зарыт не вследствие внешней опасности, нависшей над Патрэем, а скорее в результате внутренней экономической неустойчивости Восточного царства.

Прекращение существования античного Патрэя происходит в IV в. н. э. и, вероятно, должно быть связано с нашествием гуннов⁶.

Можно предположить, что Патрэй постигла общая участь городов Фанталовского полуострова⁷. Позднеантичные слои Патрэя нигде не прослеживаются далее IV в. н. э.⁸. Стратегически Патрэй связан с районом Кеп и Фанагории, поэтому предположение о его гибели в результате нашествия гуннов кажется нам заслуживающим внимания.

Видимо, нашествие гуннов надолго прервало жизнь на городище. Возрождение ее может быть констатировано археологическими материалами лишь с VIII в.

Средневековый слой Патрэя в раскопе 1968—1969 гг. датируется VIII—X вв. н. э.⁹.

⁶ См. Log., Get, 37; P. G. Goth., IV, 7, 12. Прокопий Кесарийский знает гуннов уже как старожилов в данном месте (Goth., IV, 5, 1—4; 23; 27—28) и сообщает об их бесстрашных нападениях «на землю римлян» (Goth., IV, 7, 12). Вопрос о времени нашествия гуннов на Восток и пути их движения подробно выяснен Н. И. Сокольским в статье «Гуны на Восторе», — *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*, В., 1968.

⁷ См. Н. И. Сокольский и К. В. Голенко. Клад 1962 г. из Кеп. — *Нумизматика и эпиграфика VII*, М., 1968, стр. 87; Н. И. Сокольский. Гуны на Восторе. — *Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums*, В., 1968, S. 257—259.

⁸ См. А. С. Башкиров. Отчеты об археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1941, 1948, 1949 гг. — Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 165, 249, 374; Е го же. Отчеты об археологических исследованиях территории античного города Патрэя на Таманском полуострове в 1950, 1951, 1961 гг. — Архив ИА АН СССР, ф. Р-1 д. 506, 661, 2386. С 1962 г. автор сам принимал участие в раскопках Патрэя и за истекшее время ни разу не обнаружил культурного слоя, относящегося к V—VI вв. н. э. Этот факт засвидетельствован также в отчетах Н. И. Сокольского. См. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 2964, стр. 77, 82, 84, 85, д. 3134, стр. 62, 64; д. 3710, стр. 101. Таким образом, можно считать, что жизнь на Патрэе была прервана в конце IV в. н. э.

⁹ А. С. Башкиров в одном из отчетов (ф. Р-1, № 2386, стр. 4) упоминает о раннесредневековом периоде Патрэя V—VI вв. н. э. Однако ни в одном отчете нам не удалось обнаружить описание раннесредневекового слоя Патрэя. При раскопках Патрэя нами такой слой тоже не был обнаружен.

Продолжительность существования средневекового Патрэя восходит, од-

Мощность его различна: в южной части раскопа он, по существу, срезан полностью, в северной же сохранился лучше. Толщина слоя в северной части раскопа 0,6 м, но пифосы, относящиеся к слою, врыты глубже. Грунт в основном серый и серо-коричневый суглинок.

К слою относятся объекты 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 15, 35, 42. Объект 1 — это зольная яма на площади 1 эллиптической формы, размером 1,50×1,20 м при глубине 0,60 м. Ее горизонтальное дно лежало на глубине 1 м от поверхности. Находки в яме — фрагменты пифосов и сосудов I—IV вв. н. э.

Объекты 2 и 3 — небольшие фрагменты разновременных фундаментов; 2 — более поздний. Никакого представления о строительном комплексе периода эти фрагменты не дают.

Объекты 4, 5, 6, 7 представляют собой группу больших красноглиняных пифосов или кладовую, обнаруженную на границе I и IV площадей. Три первых пифоса сохранились по плечи и верхние их точки выходили близко к современной поверхности почвы. При срезе грунта верхние части были подрезаны. Однако ранее раздавленные землей части венцов и горловин оказались внутри пифосов. Все пифосы имеют небольшое плоское дно, слабо выраженные редко расположенные ребра по тулову. Небольшой диаметр тулова: у пифоса 4 — 1,08 м, 5 — 1,30 м, 6 — 1,46 м, 7 — 1,05 м. Высота всех пифосов неизвестна, но, судя по пифосам 4 и 5, она была более 1,5 м. Профили венцов всех пифосов различны, хотя все они одновременны.

Все пифосы были накрыты каменными крышками, обнаруженными внутри их. У пифоса 4 в качестве крышки применен круглый известняковый жернов размером 0,47×0,40×0,11 м; обращает на себя внимание более высокое качество изготовления пифоса 4. Он, видимо, привозной; его глина отличается от глины других пифосов; она — красно-коричневая с черными включениями — не характерна для Боспора; его венец окрашен красной краской, а на верхней широкой плоскости

нако, к XIII в. н. э. (см. Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, д. 165, 249, 374, 506, 661, 2386, а также: А. С. Башкиров, Н. Ф. Мурыгина, И. Е. Никонов. Отчет о раскопках древнего города Патрэя (1961—1962 гг.). — Проблемы экономического и политического развития стран Европы, УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, М., 1964, стр. 237. Меньшая длительность существования средневекового слоя на исследованном нами участке может быть объяснена позднейшими разрушениями. Выше уже говорилось о том, что средневековый пласт значительно подрезан в южном направлении.

венца глубоко прорезаны греческие буквы МА, видимо, означающие цифру 41.

В заполнении пифосов обнаружено не очень большое количество фрагментов античной, преимущественно III—IV вв. н. э. керамики, хотя средневековых находок в них не было, стратиграфически они относятся к средневековью.

Объекты 15 и 35 — также средневековые пифосы, обнаруженные у северо-восточного угла раскопа.

Пифос 15 своей горловиной был близок к современной поверхности почвы. Он полностью сохранился, но сильно раздавлен землей, горловина его приплюснута вниз. Он накрыт крышкой в виде необработанной известняковой плиты размером $0,65 \times 0,45 \times 0,08$ м; диаметр тулова пифоса 1,36 м, ребер нет.

Пифос 35 разрушен глубокой ямой; сохранились только придонная часть яйцевидного тулова (с плоским маленьким дном). Диаметр его был не менее 1 м. Дно лежало на глубине 2,15 м от края северного борта. Трещины пифоса были скреплены свинцовыми заливками. В заполнении его нижней части, помимо античных фрагментов, найдены фрагменты плоскодонного кувшина и ребристой амфоры VIII—X вв., а также фрагменты лепных горшков того же времени; здесь же обнаружен фрагмент чернолакового сосуда с остатками процарапанной надписи.

Пифос 42 обнаружен в сезон 1969 года почти в центре южной границы раскопа. По типу сходен с ранее описанными пифосами местного производства.

Находки в пласте грунта, соответствующего горизонту средневекового слоя, многочисленны, но очень разновременны. Диапазон их от VI—V вв. до н. э. до VIII—X вв. н. э. Абсолютно же преобладают фрагменты позднеантичной керамики. Отмечается большая дробленность керамических фрагментов, как и в предыдущих слоях. Все это свидетельствует об интенсивности жизни городища, о перестройках и перекопах. Определющими время пласта и лежащих в нем объектов являются фрагменты плоскодонных высоких кувшинов (тмутараканского и «черносмоленого» типа), грубоватых небольших реберчатых амфор с узким низким горлом и круглым дном, лепные горшки, с зигзагообразным орнаментом, фрагменты лощеных сероглиняных сосудов салтово-маяцкого типа.

В пифосе 42 встречены фрагменты черносмоленых сосудов. К числу наиболее интересных индивидуальных находок относятся сероглиняные лепные подсвечники. Их два. Один из них

трехрожковый. В слое VIII—X вв. совершенно отсутствуют фрагменты средневековой черепицы. Вероятно, это обстоятельство не случайно. Отсутствие черепицы, наличие камковых прослоек в средневековом пласте грунта, незначительное количество строительных остатков и большое число пифосов — все это может быть расценено как доказательство того, что в сезонах 1968/1969 годов средневековый слой содержал остатки какого-то хозяйственного комплекса.

Учитывая, что линии перестройки в III—IV вв. н. э. почти совпадают с линиями застройки в I—II вв. н. э., можно говорить об определенной преемственности жизни на античном Патрэе. К сожалению, подобную преемственность нельзя констатировать для средневекового слоя: план средневековых сооружений совершенно иной. Это может быть принято как свидетельство большого временного разрыва между античными и средневековыми слоями Патрэя, как отсутствие континуитета между античностью и средневековьем в западной части Патрэя. Насколько можно судить по отчетам А. С. Башкирова, подобная картина наблюдается и на других участках Патрэйского городища.
